

УДК 316.7

Итальянцы в Крыму: культурная память и национальная идентичность

Кравченко Елизавета Юрьевна

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: kravchenkoliz@mail.ru

Аннотация

В данном исследовании на примере изучения итальянской общины в Керчи автор рассматривает специфику сохранения национального самосознания этноса за пределами автохтонной территории. Активные миграционные процессы современного мира обуславливают актуальность работы. В ходе изучения вопроса рассматриваются понятия коллективной идентичности и культурной памяти, выделяются отличительные особенности национальной идентичности итальянцев, проявляющейся, прежде всего, в мультикультурализме, стремлении к прекрасному, как внутренней потребности итальянского менталитета, сохранении конфессиональной принадлежности и языка в эмиграции. Особое внимание уделено работам «Итальянцы Крыма. История и судьбы» Дж. Джакетти-Бойко, а также ряду работ итальянского культуролога Массимо Монтанари, который использует нестандартный подход к изучению итальянского самосознания, анализируя данный феномен через призму гастрономических традиций. Также в статье используются материалы исследований филолога В.Ф. Шишмарева, который занимался вопросом своеобразия колониальной диалектологии романских поселениях юга России. В процессе полевых исследований, проводимых на территории Крыма, в частности в Керчи, автором была организована встреча с Джулией Джакетти-Бойко, представителем «Итальянской Ассоциация ЧЕРКИО». В работу вошли фрагменты их интервью с Джулией, что является особенно ценным материалом статьи. Основным инструментом данного исследования является биографический метод.

Для цитирования в научных исследованиях

Кравченко Е.Ю. Итальянцы в Крыму: культурная память и национальная идентичность // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 457-466.

Ключевые слова

Культурная идентичность, национальное самосознание, культурная память, мультикультурализм, кампанилизм, Италия, Керчь.

Введение

Взаимовлияние российской и итальянской культур на протяжении долгого времени привлекает внимание исследователей, становится предметом обсуждений на конференциях и культурных фестивалях, рассматривается в научно-популярных изданиях. Нужно сказать, что более разработанной является тема «Русские в Италии», нежели «Итальянцы в России». К тому же, на данный момент еще не существует исследования, которое бы в полном объеме представило картину итальянского присутствия на территории России в различные эпохи. В XX веке в связи с распадом СССР, Чехословакии и Югославии в Европе возникает больше двух десятков новых государств и, соответственно, наций, претендующих на самоопределение. Энтони Смит, британский ученый, исследующий вопросы нации и национализма, также связывает интерес к культурным различиям именно с постмодернистской школой. Для конца XX и начала XXI веков характерна актуализация проблемы национальной идентичности. Э. Смит называет данный период эпохой культа национальной идентичности, который возникает как ответная реакция на процесс глобализации. Таким образом, глобализацию в понимании Смита можно рассматривать двояко по отношению к локальным культурам. С одной стороны, происходит утрата многих ценностей, специфических черт и региональных особенностей, с другой – на фоне международных веяний, воздействующих на все сферы жизни человека, возрождается интерес к локальной культуре, и происходит формирование трепетного к ней отношения.

Основная часть

Проблема понимания культурной идентичности особенно остро стоит и в Италии. Как известно, процесс объединения государства произошел в 1861 году, то есть относительно поздно по сравнению со многими европейскими странами. До этого Италия была своеобразным «лоскутным одеялом» на карте Европы. Осталась ли она такой же раздробленной в культурном отношении, и можно ли сегодня говорить о существовании итальянской культурной идентичности – вопросы весьма неоднозначные.

Массимо Д'Адзелио, участнику Рисорджименто, принадлежит фраза: «Италию мы создали, теперь создадим итальянцев» [Montanari, 2010, 7]. Данное высказывание весьма небезосновательно, так как в середине XIX в. лишь 5% от общего населения Апеннинского полуострова владели итальянским литературным языком, что, безусловно, вызывало огромные сложности в общении. Для решения этой проблемы использовались, прежде всего, 2 инструмента – это школа, малоэффективный способ, так как на Юге, например, учебные заведения практически не посещались. И армия, более эффективный метод, так как солдат отправляли служить в другие регионы, тем самым создавая необходимость изучения общего языка для осуществления коммуникации.

Однако итальянский культуролог Массимо Монтанари приводит немало доводов в пользу того, что несмотря на различия в языке, Италия образа жизни сформировалась несколько столетий назад, в Средние века. Весьма любопытно, что М. Монтанари проводит свое исследование через призму гастрономических традиций Апеннинского полуострова.

Массимо Монтанари убежден, что именно итальянцы создали Италию, а не наоборот. Географическое понятие «Италия» существует с античных времен, в виду того, что на протяжении многих веков существовала Италия образа жизни, повседневных практик [Капатти, Монтанари, 2006, 22]. К тому же, Италия культуры гораздо больше определяет идентичность

страны, нежели Италия политическая [Montanari, 2010, 7]. Понятие «Италия образа жизни» складывается к XII веку. Здесь Монтанари солидарен с Жаком Ле Гоффом, который утверждал, что «... политические и ментальные реалии итальянского средневековья – это гораздо в большей степени итальянцы, чем сама Италия» [там же, 80].

Однако нам известен феномен итальянской культуры, который, на первый взгляд, вступает в противоречие со всем вышесказанным, так как он тяготеет к местничеству и регионализму. Речь идет о понятии кампанилизм. Слово образовано от итальянского *campanile* (колокольня) и означает чрезмерную привязанность к региональным традициям и ли даже локальной культуре своего населенного пункта, термин является аналогом локализма и местничества. М. Монтанари, убежден, что чрезмерное внимание к итальянскому локализму является изобретением, которое полностью отвечает политическим, коммерческим и туристическим запросам, но никак не культурным [там же]. Всю самобытность итальянской культуры ученый видит именно в различиях, присущих всем сторонам жизни каждого региона. В связи с этим, необходимо признать итальянскую идентичность мультикультурной, в этом заключается вся ее специфика, эта особенность делает ее узнаваемой.

Особенно отчетливо синкретизм в итальянской культуре можно увидеть за пределами самой страны, в жизни итальянских диаспор. О существующей общине итальянцев в Керчи, а также Феодосии, Судаче и Новороссийске ранее было известно немногим. Огромный интерес к этой ассоциации возник после издания ряда книг и статей, посвященных итальянской депортации в советское время. Дело в том, что в приказе от 2014 года о реабилитации крымских народов были перечислены все национальности, кроме итальянцев. В 2015 году в приказ были внесены поправки, и это стало ключевым моментом в вопросе самоопределения итальянцев Крыма.

Первые общественные объединения потомков переселенцев в Крыму были образованы уже в 1992 г., а в 2008 году сформировалась «Итальянская Ассоциация ЧЕРКИО». Слово несет в себе целых три смысловых окраски. По-итальянски оно означает круг, что, безусловно, отсылает нас к идее воссоединения крымских итальянцев, разбросанных по огромным просторам территорий бывшего СССР после репрессий. Кроме того, это средневековое название города Керчь, использовавшееся генуэзцами. Некоторые лингвисты полагают, что как раз более позднее название Керчь и берет свое начало от средневекового Черкио. И, собственно, С.Е.Р.К.И.О является также и аббревиатурой, которая раскладывается как *Comunita degli Emigrati in Regione di Crimea –Italiani di Origine* (Сообщество потомков, эмигрировавших в Крым, итальянцев по происхождению) [Джакетти-Бойко, 2016, 17].

Что же привело жителей *Bel Paese*, в Крым – вопрос, интересующий многих историков и антропологов. В эпоху средневековья за господство в Крыму боролись генуэзцы и венецианцы, во времена Екатерины Великой итальянцы принимали активное участие в его заселении, строительстве и хозяйственной жизни. На конец XIX века приходится новая волна переселения, пожалуй, произошедшая по самым неясным причинам. На этот раз крымское побережье заинтересовало жителей региона Апулия. В основном переселенцами были выходцы из приморских городов Бишелье, Мольфетта, Трани, Барлетта, Битонто, Терлицци и Монополи [там же, 71]. «До сих пор не ясно, почему эмигрировали из этой области, и почему именно в Керчь» [там же], – пишет Юлия Джакетти-Бойко в своей книге «Итальянцы Крыма. История и судьбы». Большинство исследователей полагает, что переселение в Крым обусловлено экономическими причинами, а точнее ухудшающимися жизненными условиями на юге Апеннинского полуострова. «Архивные данные не позволяют, к сожалению, говорить конкретнее о причинах переселения транезцев и их соседей бишельезцев; не сохранила каких-

либо более точных данных и память стариков, хотя среди них есть и такие, которые родились в Италии; но они выехали оттуда детьми и, естественно, многого могут не знать» [Шишмарев, 1941, 315], – пишет филолог Ленинградского университета академик В.Ф. Шишмарев. Относительно вопроса о миграции именно в Керчь существует следующее мнение. Керчь полюбилась одной из апулийских семей, занимавшейся мореходством, и она, в свою очередь, перетянула за собой целый клан друзей и родственников. Эта версия имеет место быть, так как в ходе изучения истории керченских итальянских семей выясняется, что все они находятся в какой-то степени родства или были знакомы до переезда.

Стефания Дзини, итальянский журналист и филолог, живущая попеременно в России и Италии, также в своих исследованиях пытается ответить на вопрос о причинах миграции. С. Дзини была одним из руководителей экспедиции, организованной в 2016 году Российским географическим обществом совместно с Институтом этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая Российской академии наук. По мнению С. Дзини, огромную роль в этом вопросе играет схожесть ландшафтов. Южнобережный климат Крыма относится к средиземноморскому типу, отчего становится очевидным сходство крымского и итальянского побережий. В частности, Стефания Дзини узнает в местных пейзажах итальянскую Лигурию, откуда, собственно говоря, и прибыли в Средние века генуэзцы. Степные районы вызывают ассоциации с выжженными итальянскими землями южных регионов Апеннинского полуострова, в частности, Апулии, жители которой в XIX веке обратили внимание на Крымский полуостров.

Большая часть итальянцев, эмигрировавших в Российскую империю, связала свою жизнь с морским делом, остальная же – с земледелием. И именно последние лучше всего сохранили родной язык, то есть транезский диалект [там же, 315].

Особенностью итальянской общины конца XIX века являлось единство, в отличие от переселенцев екатерининской эпохи. Эти апулийцы были гораздо более сплоченными, говорили на одном языке во всех смыслах этого слова. Конечно, они коммуницировали с приехавшими ранее мигрантами, но порой «не всегда признавали их за своих» [Джакетти-Бойко, 2016, 75].

Первая половина XX века ознаменована драматическими событиями в жизни итальянцев Керчи. После Октябрьской революции часть из них возвращается на родину, так и не приспособившись к новым политическим реалиям. В то же время в 20-е годы XX в. своим соотечественникам в Крым из Италии потянулись политэмигранты, верившие в ту пору в коммунистические идеалы. Однако и это не спасло их от репрессий, которым подверглись все народы Крымского полуострова в конце 30-х и начале 40-х гг. XX столетия.

На фоне этих событий постепенно разворачивается та самая «неизвестная трагедия итальянцев» Крыма, последовало несколько волн репрессий, ссылка в Среднюю Азию. Для керченских итальянцев имело принципиально важно значение добиться включения в список реабилитированных народов. Одной из задач книги «Итальянцы Крыма» становится понимание уникальности крымской группы итальянцев и того, «как им удалось сохранить идентичность вопреки всем репрессиям и депортациям» [Асман, 2004, 16]. Прежде всего, это самосознание, желание изучать родной язык, сохранять религию и поддерживать культурную память, воспроизводить на новом месте итальянскую жизненную модель. «И праздновалось Рождество и католическое, и православное. Мы выросли в итальянской среде. Это бабушка, бабушка нас приучила. Поэтому мы себя чувствовали итальянцами с рождения» [Джакетти-Бойко, 2016, 320], – пишет в мемуарах Русудан Осипова (Паренти).

Как пишет Юлия Джакетти-Бойко, большинство итальянцев Керчи являются представителями смешанных семей. Поэтому основным и самым надежным критерием

итальянской принадлежности можно назвать самоидентификацию [там же, 11]. Культурное воспоминание играет определяющую роль в формировании коллективной идентичности. Ее нельзя представить саму по себе, ее существование обусловлено лишь той мерой, в какой эту идентичность признает своей собственной определенная группа людей. Ян Ассман в качестве особенности определения коллективной идентичности выделяет отсутствие элемента неизбежности, то есть от нее можно отказаться, обратившись в другую веру или эмигрировав в другую страну, чего практически не происходит с итальянскими сообществами за рубежом, в частности речь идет о керченской ассоциации.

Коллективная идентичность основана, прежде всего, на культурной памяти, передающейся через общение на одном языке, при этом имеется в виду язык не только как предмет изучения лингвистики, а как целая знаковая система. То есть общность кодирует целый комплекс знаков и символов, в который входят, помимо слов и выражений, обряды, традиции, питание, искусство, танцы и даже орнаменты и рисунки.

В Керчи существовала итальянская начальная школа, обучение проходило до 5 класса. Сведения из различных источников очень разнятся. Некоторые связывают основание школы с итальянскими политэмигрантами. Вместе с пропагандой итальянских коммунистов среди соотечественников распространялся и интерес к итальянскому языку, велось его активное преподавание. Другие приписывают инициативу создания школы некому священнику, а некоторые утверждают, что итальянская школа существовала и до революции [там же, 107]. Известно, что в 1926 году Крымсоцнацмен направил итальянок Анну Ди Пиеро и Грациеллу Ди-Пинто обучаться в Ленинградский Центральный опытный педагогический техникум им. Некрасова. После депортации и возвращения в Керчь поддерживать знание языка было довольно проблематично, так как старшее поколение, помня ужасы прошлого, никак не хотело привлекать к себе лишнее внимание. Джулия Джакетти-Бойко рассказывает трогательную историю про то, как она попыталась в детском возрасте обратиться по-итальянски к знакомой. Джулия поприветствовала женщину довольно громко, причем в магазине, где было относительно большое скопление людей. С тех пор при ней старались не разговаривать по-итальянски дома, и язык она выучила уже самостоятельно в юности, начиная обучение с маленького словаря, преподнесенного в качестве подарка.

В 30-е годы прошлого столетия керченской общиной заинтересовался филолог Ленинградского университета академик Владимир Федорович Шишмарев. Он исследовал говор, делал заметки относительно произношения, в том числе лингвист занимался итальянским фольклором. В оде исследования им были написаны статья на итальянском языке «Один из южноитальянских говоров в Крыму» и труд «Романские поселения на Юге России».

Шишмарев занимался изучением транезского говора в керченской многоязыковой среде, который соприкасался, помимо русского языка, еще и с родственным бишельезским наречием. Транезцы владели русским языком, однако, в разной мере. На момент исследования В. Шишмарева в 40-х годах прошлого века в Керчи сформировалось 3 поколения итальянских переселенцев. В связи с этим В. Шишмарев разделяет транезцев на несколько типов. Старшее поколение, многие представители которого родились в Италии, свободно владели своим родным языком, а в некоторых случаях изъяснялись и на общеитальянском. Среднее поколение гораздо лучше владело русским языком, но и родным языком так же пользовалось свободно. Младшее же предпочитало изъясняться по-русски, читать по-итальянски, как правило, они не умели [Шишмарев, 1941, 316]. Шишмарев проводит глубокий лингвистический анализ речи, произношения и делает вывод, что и произношение у самого младшего поколения уже иное,

многие сочетания букв русифицированы или даже не используются [там же, 322].

Также Шишмарев уделяет внимание и вновь пришедшим в этот диалект словам, которые проникли уже в него в Керчи, так как переселенцы оказались в иных социальных и политических условиях. Причем академик выделяет две волны. То есть дореволюционный (старый фонд) и послереволюционный периоды. До Октябрьской революции 1917 г. язык принял много слов, связанных с земледелием. Например, когда итальянцы сталкивались с не известными до этого объектами и орудиями. *Bavoskə`* – повозка, четырехколесная телега, не имевшая аналога в Трани, или же *kuc`kə də fiənə* (*mucchio de fieno* итал.) – стог сена, *sussedkə* (*vicina* итал.) – соседка [там же, 364]. Но этот первый слой русизмов является тонким и незначительным. А вот после Октябрьской революции хлынул поток новых слов, советизмов, собственно, как и в сам русский язык. Причем на момент исследования он все еще продолжал расширяться, пишет исследователь [там же]. Неологизмы можно разделить на две категории. Слова, проникающие в язык в силу необходимости, то есть, когда диалект не имеет соответствующего синонима, а иностранный термин ассимилируется переселенцами. Сюда же относятся и советизмы, которые обозначают жизненные условия. Другой тип, например, слова *vicina* – соседка, *truba`* – дымоход переводимы на итальянский, но в силу своего распространения и частого звучания невольно остаются в памяти. Так возникает множество дублей, которые с каждым новым поколением и ростом двуязычия вытесняют термины родной речи, способствуя забвению многих из них [там же, 366].

Существенным аспектом сохранения собственной культуры являлась и приверженность итальянской модели питания, элемент очень значимому для понятия коллективной идентичности [Montanari, 2010, 8]. Джулия Джакетти-Бойко признает, что еда является важнейшей частью национальной культуры и являются результатом взаимодействия народа и среды его обитания, причем прием обработки продуктов питания «характеризует этнос не меньше, чем национальные костюмы или праздники» [Джакетти-Бойко, 2016, 319]. Есть мнение о том, что единой итальянской кухни не существует, а имеет место только кухня конкретных регионов. И вновь Массимо Монтанари доказывает обратное. У кухни есть собственная история, «ее нельзя заключать в другие измерения» [Там же, 8]. Единственное, что ей является родственным – это материальная культура, часть повседневной жизни. Так для выявления истинных черт Италии необходимо искать не просто в истории, а в «итальянской самобытности, в ее повседневных привычках» [Капатти, Монтанари, 2006, 8], в том, что именуют итальянскостью (*italianita`*). *Italianità* – понятие, которое подразумевает воплощение особенностей итальянского языка, самих итальянцев, специфику их нрава, привычек и поведения, это, прежде всего, ощущение себя итальянцем и осознание своей причастности к культуре.

Монтанари пытается проиллюстрировать, что итальянский стол, составленный, казалось бы, из многочисленных локальных культур, даже, пересекая океан, представляет собой однородной моделью гастрономической культуры [Капатти, Монтанари, 2006, 62]. Ученый нарекает кухню каждого региона своего рода койне, совокупностью реалий, он сравнивает ее с диалектом, который можно понять и перевести на общий итальянский [там же, 56], а региональные кухни, по его мнению, является лишь постмодернистским изобретением, которое пользуется популярностью в сфере туризма и отвечает, как упоминалось, коммерческим запроса общества.

Синкретизм в гастрономических традициях определяется во всей своей полноте именно в эмиграции [Montanari, 2010, 54]. Одной из черт итальянской кухни является ее

воспроизводимость. Гастрономическая модель, возвращенная в одном географическом пространстве может быть реализована в любой точке мира на основе оригинальных продуктов или заменителей. Таким образом, понятие Средиземноморье превращается в метафору, а составляющие легко заменимы синонимами [Капатти, Монтанари, 2006, 56]. При сменах обстановок могут измениться ингредиенты, изменяются или забываются названия блюд, однако, сами техники и приемы – способы обработки, сочетания и формы остаются основной точкой отсчета и практически не изменяются. Из воспоминаний керченских итальянцев известно, что приезжая в Крым, их предки везли с собой саженцы, виноградные лозы, семена, помидоры [Джакетти-Бойко, 2016, 73]. Стефания Дзини полагает, что итальянцы, переезжая куда-то, легко вписываются в новую реальность, но при этом пытаются воссоздать свою Италию.

К важнейшим маркерам итальянскости мы относим стремление к прекрасному, талант и вкус к порядку. «Живое поэтическое чутье, изящный вкус, великий литературный такт, декоративный инстинкт, потребность в наружном блеске, которая тогда встречалась в одинаковой степени и среди народа, в невежественной толпе, и среди вельмож и ученых» [Тэн, 1996, 12], заявляет в своей работе «Философия искусства» И. Тэн. Эстетика занимает важнейшее место в жизни каждого жителя Апеннинского полуострова. По мнению И. Тэна, итальянское искусство не может претендовать на звание всемирного зеркала, так как «его симпатии ограничены» [там же, 70], изобразить хаос и дикость итальянцы практически не в состоянии. Зато они всемогущи в царстве формы и гармонии. Французский эстетик полагает, что образы в картинах отнюдь не придуманы, все колоритные формы привычны и естественны. Зритель, любуясь полотном или же фреской, узнают в них себя самих: «Для них это не чуждые образы, искусственно выведенные на сцену при помощи какой-нибудь археологической комбинации, усилия воли или условного школьного предания; образы эти до того близки им, что они вносят их и в свою домашнюю жизнь, и в свои общественные церемонии» [там же, 87]. Именно эта особенность существования и мировосприятия итальянцев формирует понятие «Италии образа жизни».

Итальянцам присуще желание обратить всю жизнь в сплошное празднество, для них важно и существенное именно наслаждение, в особенности наслаждение глазами. Именно итальянцам невероятно просто даются музыка и пластические искусства. Это сродни врожденному таланту, он очевиден и проглядывается на протяжении всей истории. Тэн убежден, что цивилизация как будто внутри самих итальянцев, они с ней рождаются. Даже среди крестьян понимание отличается особенной живостью, а душе характерно природное чувство красоты. «Только в одной этой стране вы услышите простолюдина, невольно вскрикивающего перед какой-нибудь картиной: O Dio, com'e bello! Боже, что за прелесть!» [там же, 73] – утверждает искусствовед. И, действительно, увидеть неподдельный интерес к искусству можно даже у простых моряков и рабочих. В воспоминаниях керченской итальянки Лючаны Джакетти есть следующий фрагмент: «А взрослые все разговаривают, о книгах и картинах, археологических находках, о далекой стране Италии...» [Джакетти-Бойко, 2016, 39].

В ходе исследования нам удалось побеседовать с представителем «Ассоциации» Джулией Джакетти-Бойко. На вопрос об особенностях итальянской культуры и мировосприятия она ответила следующее: «Мне кажется, в итальянском характере практически всегда есть стремление к красоте. И это не только эстетическая, а этическая категория. То есть, красота - не бантик сверху, а важное для существования, неотъемлемое свойство. Конструкция, замысел должны быть красивы и просты». Джулия вспомнила эпизод из детства. Ее бабушка выращивала

овоци для продажи. Выложить их на прилавки невымытыми просто невозможно было представить, так же там не оказывалось и испорченных плодов. Несомненно, это стоило огромных трудов и усилий всей семье. А рядом по той же стоимости продавались овощи соседей, которые тоже были востребованы, но имели куда более неприглядный вид. В этой повседневной культуре и проявляется тот самый феномен итальянскости. «Нам внушалось, что мы, итальянцы, любим, чтобы было красиво. Мы, итальянцы, не должны обращать внимание, если все вокруг делают, как проще, смеются, мы, итальянцы, делаем так, как считаем нужным, нам, итальянцам, не жалко раньше встать и постараться, чтобы самим было радостно посмотреть на результат», - резюмирует Юлия Джакетти-Бойко.

Даже сегодняшнему облику Керчи мы обязаны архитектору Алессандро Дигби. Зодчий был переведен из Астрахани и назначен главным архитектором города, так как в нем увидели человека, который способен к реализации нелегкого плана – застройке портового русского города «с преимущественно греческим населением на месте бывшего татарского поселения у стен снесенной в 1829 г. обветшавшей турецкой крепости» [Михайлова, 2007, 178]. Его руке принадлежит оформление мостовых, строительство Шоссе Керчь-Еникале, Института для девиц и колокольни при церкви Иоанна Предтечи, а также, вероятно, создание римско-католической церкви. Керчь превратилась в портовой деловой город европейского типа, один из «самых красивых и оживленных городов южной России» [там же, 193].

Заключение

Как мы видим, для сохранения национальной идентичности наиболее значимую роль играют поддержание и передача культурной памяти. Культура, вырванная из своего контекста и пересаженная на другую почву, в большинстве случаев теряет свои специфические особенности, что приводит к утрате традиций. Вследствие этого, коллективная идентичность признается бессодержательной, так как она держится на признании определенной группы людей, их самосознании и самоидентификации. Феномен итальянской культуры заключается в сохранении идентичности даже за пределами *Bel Paese*. Мы постарались показать это на примере изучения итальянской диаспоры в Керчи. На протяжении полутора веков керченские итальянцы практически не претерпели денационализацию повседневных практик. Это проявляется в сохранении религии, языка, в наши дни организованы курсы итальянского языка для потомков переселенцев, передачи гастрономических традиции и приверженности итальянскому образу жизни.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Джакетти-Бойко Д.Е. Итальянцы Крыма. История и судьбы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 343 с.
3. Капатти А., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 480 с.
4. Костанцо С. Виртуальное единство. Странная судьба народа святых, мореплавателей и героев // *Studia culturae*. Вып.14. *Terra Italia*. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ. СПб., 2012. 320 с.
5. Михайлова М.Б. Градостроительная деятельность в Астрахани и Керчи архитекторов А.П. и А.А. Дигби (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). // *Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования*. Вып.1. М.: КомКнига, 2007. 476 с.
6. Николаева Ж.В. К вопросу о современном понимании культурной идентичности итальянцев. // *Studia culturae*.

- Вып.14. Terra Italia. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ. СПб., 2012. 320 с.
7. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практис, 2004. 466 с.
8. Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996. 352 с.
9. Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л.: Наука, 1975. 244 с.
10. Шишмарев В.Ф. Один из южноитальянских говоров в Крыму // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. Вып.5. Л.: Изд. Ленинградского государственного университета, 1941. 250 с.
11. Montanari M. L'identita` italiana in cucina. Roma; Bari: Editori Laterza, 2010.
12. Vignoli G. L'olocausto sconosciuto: lo sterminio degli Italiani di Crimea. Roma, 2008.

The Italians in the Crimea: cultural memory and national identity

Elizaveta Yu. Kravchenko

Postgraduate,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9 Universitetskaya embankment, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kravchenkoliz@mail.ru

Abstract

In this study, examining the study of the Italian community in Kerch, the author shows the specifics of preserving the national identity of the ethnos outside the autochthonous territory. The active migration processes of the modern world determine the relevance of the work. In the course of the study of the issue, the concepts of collective identity and cultural memory are considered; the distinctive features of the national identity of Italians are emphasized, manifested primarily in multiculturalism, the pursuit of the beautiful, as an internal need of the Italian mentality, preservation of the confessional identity and language in emigration. Particular attention is paid to the works of J. Jacketti-Boyko, as well as to a number of works by Italian culturologist M. Montanari, who uses an unconventional approach to the study of Italian identity, analyzing this phenomenon through the prism of gastronomic traditions. The article also uses materials from the studies of philologist V.F. Shishmarev, who dealt with the question of the originality of the colonial dialectology of Roman settlements in the south of Russia. During the field research conducted on the territory of the Crimea, in particular in Kerch, the author organized a meeting with Julia Jacketti-Boyko. The work included fragments of their interview with Julia, which is a particularly valuable article. The main tool of this study is the biographical method.

For citation

Kravchenko E.Yu. (2017) Ital'yantsy v Krymu: kul'turnaya pamyat' i natsional'naya identichnost' [The Italians in the Crimea: cultural memory and national identity]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), pp. 457-466.

Keywords

Cultural identity, national conscience, cultural memory, multiculturalism, campanilismo, Italy, Kerch.

References

1. Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
2. Costanzo S. (2012) Virtual'noe edinstvo. Strannaya sud'ba naroda svyatykh, moreplavatelei i geroev [Virtual unity. Strange fate of the people of saints, navigators and heroes]. In: *Studia culturae. Vyp.14. Terra Italia. Al'manakh kafedry kul'turologii i Tsentra izucheniya kul'tury filosofskogo fakul'teta SpbGU* [Studia culturae. Issue14. Terra Italia. Almanac of the Chair of Culturology and the Center for the Study of Culture of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University]. St. Petersburg.
3. Jacketti-Boiko J.E. (2016) *Ital'yantsy Kryma. Istoriya i sud'by* [The Italians of Crimea. History and destiny]. Simferopol: Biznes-Inform Publ.
4. Kapatti A., Montanari M. (2006) *Ital'yanskaya kukhnya. Istoriya odnoi kul'tury* [Italian cuisine. The history of one culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
5. Mikhailova M.B. (2007) Gradostroitel'naya deyatel'nost' v Astrakhani i Kerchi arkhitektorov A.P. i A.A. Digbi (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka). [Town-planning activities in Astrakhan and Kerch architects A.P. and A.A. Digby (the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century).]. In: *Gradostroitel'noe iskusstvo: Novye materialy i issledovaniya* [Town-planning art: New materials and research]. Moscow: KomKniga Publ.
6. Montanari M. (2010) *L'identita` italiana in cucina*. Roma; Bari: Editori Laterza.
7. Nikolaeva Zh.V. (2012) K voprosu o sovremennom ponimani kul'turnoi identichnosti ital'yantsev [To the question of the modern understanding of the cultural identity of Italians]. In: *Studia culturae. Vyp.14. Terra Italia. Al'manakh kafedry kul'turologii i Tsentra izucheniya kul'tury filosofskogo fakul'teta SpbGU* [Studia culturae. Issue14. Terra Italia. Almanac of the Chair of Culturology and the Center for the Study of Culture of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University]. St. Petersburg.
8. Shishmarev V.F. (1975) *Romanskije poseleniya na yuge Rossii* [Romanesque settlements in the south of Russia]. Leningrad: Nauka Publ.
9. Shishmarev V.F. (1941) Odin iz yuzhnoital'yanskikh govorov v Krymu [One of the South Italian dialects in the Crimea]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Proc. of Leningrad University in Philology], 5.
10. Smith E. (2004) *Natsionalizm i modernizm: kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Review of Modern Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: Praxis Publ.
11. Ten I. (1996) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Respublika Publ.
12. Vignoli G. (2008) *L'olocausto sconosciuto: lo sterminio degli Italiani di Crimea*. Roma.